

С.А. Плетнева

Кочевники Средневековья

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.А. Плетнева**
Кочевники Средневековья / С.А. Плетнева – М.: Книга по Требованию, 2021. – 188 с.

ISBN 978-5-458-35987-0

Книга посвящена выявлению и исследованию закономерностей социально-экономических отношений кочевников. Одновременно рассматриваются вопросы взаимоотношений земледельцев и кочевников, возникновения кочевнических культур. Изучение и систематизация закономерностей позволили построить ряд социально-этнокультурных моделей, существовавших в степях на разных ступенях развития.

ISBN 978-5-458-35987-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже II и I тысячелетий до н. э. в степях появились первые кочевники. Постепенно к середине I тысячелетия до н. э. кочевое скотоводство полностью заменило пастушество. Степи и отчасти лесостепи Европы и Азии почти на три тысячи лет стали колыбелью кочевничества¹.

Термин «кочевничество» в настоящее время определяется этнографами как такой тип экономики, при котором основным производящим хозяйством является экстенсивное скотоводство с круглогодичным выпасом скота и участие в кочевании вместе со стадами большей (или даже подавляющей) части населения. Несомненно, перечисленные черты являются ведущими при экономическом толковании «кочевничества». Полная его характеристика возможна только при рассмотрении всех особенностей кочевого образа жизни — не только в экономике и общественных отношениях, но и в политике, быту, материальной культуре, религии.

При изучении кочевого образа жизни и экономики, кочевнических древностей одного или нескольких степных народов перед историком неизбежно встают вопросы, на которые он, как правило, не может ответить, не исследуя кочевников всесторонне, т. е. во взаимодействии всех проявлений кочевничества, с учетом эпохи, в которую существует то или иное кочевническое сообщество.

Необходимость рассматривать отдельные явления кочевнической жизни комплексно заставляет нас искать какие-то общие для любого кочевнического сообщества закономерности развития, позволяющие не только сравнивать, но и объединять в единые эволюционные ряды или стадийные группы самые различные народы, существовавшие в степях в разные хронологические эпохи.

Поискам таких закономерностей и посвящена настоящая книга.

Наиболее подробные и многочисленные материалы, освещающие различные аспекты кочевничества, дают нам сочинения средневековых писателей, поэтов, историков и

путешественников. В их трудах отчетливо прослеживаются две диаметрально противоположные тенденции в восприятии кочевников. Первая может быть названа «идеализаторской». Тесное общение кочевников с природой, с животными, особенно с одним из самых красивых и благородных из них — конем, искусство всадничества, развитые до виртуозности военные навыки, обычай побратимства, подчеркнутое уважение к старшим и к памяти предков, суровые степные законы, наказывающие мучительной смертью за воровство и прелюбодеяние, создавали у многих современников и историков приподнято-восторженное отношение к степным «рыцарям». Это усугублялось еще и бросающейся в глаза путешественников личной свободой рядовых всадников. Известно, что даже великие ханы нередко избирались в степях на сходках, в которых принимали участие не только богатая родовая аристократия, но и простые воины, прославленные в завоевательных походах.

Наряду с этим направлением авторы второй группы, относящейся крайне критически к кочевничеству, подчеркивали в своих сочинениях действительно мрачные и неприятные стороны степняков: жестокость к врагам и беспощадность к побежденным, грязь и предельная неприязнательность в быту, вымогательство подарков (своеобразное взяточничество), чрезмерное, граничащее с низкопоклонством почитание сильных мира сего. Древние европейские и переднеазиатские авторы с раздражением и неприязнью описывали даже внешний вид тюрко- и монголоязычных кочевников — их поражала нередко резко выраженная монголоидность, кажущаяся некрасивой европейцам, иранцам и семитам. И даже пристрастие к коням расценивалось в сочинениях «критической» группы авторов, как чудовищное извращение. В древних сочинениях и легендах появлялись образы фантастических, диких и безобразных кентавров.

Как бы там ни было, но и «идеализаторы», и «негативисты» не были равнодушными свидетелями, поэтому их сообщения, как правило, отличаются если и не беспристрастностью, то несомненной заинтересованностью. Тонкие бытовые наблюдения чередуются в них с описаниями походов и битв, истреблений целых народов и богатырских подвигов, направленных на защиту своих кочевий. Количество фактических сведений о войнах, перекочевках, этнических общностях, племенах, ордах,

о периодически возникавших в степях государственных образованиях практически неисчерпаемо.

То же можно сказать и об археологических источниках, число которых увеличивается с каждым годом, с каждым раскопочным сезоном.

Огромный материал о кочевниках давали и дают этнографические исследования. Замеченная еще С. П. Толстым своеобразная «патриархальная вуаль» из пережитков родового строя, наброшенная на классовые отношения кочевников, сохраняется и в раннем, и в позднем средневековье и доживает почти до нашего времени². Она как бы консервирует многие пережиточные явления в кочевнической экономике, общественных отношениях, быту и тем самым позволяет уловить и изучить значительно более ранние явления и процессы, протекавшие у кочевников, стоявших на различных ступенях развития общественных отношений.

Вся эта масса информативного материала в той или иной мере многократно подвергалась обработке и осмыслению. Об отдельных кочевнических государствах и культурах, о внешнеполитических событиях и особенностях общественной жизни кочевников, о различных проявлениях их культуры написано большое количество монографий и статей.

Большинство историков использует в своих трудах письменные источники. Поскольку в последних повествуется о внешнеполитических событиях того или иного кочевого объединения, то и в исторических обобщениях в основном анализируется политическая история этих объединений. Таковы труды русских и советских ученых В. Г. Васильевского, П. В. Голубовского, Д. А. Расовского, А. Н. Бернштама, М. И. Артамонова, Л. Н. Гумилева, Б. Е. Кумекова и др.³

Ученые, исследующие этнографические материалы, в отличие от историков, все внимание сосредоточивают на внутрисполитической жизни орд, на их экономике, быте и культуре. К обобщающим работам, основывающимся на данных этнографии, относятся труды Н. Я. Харузина, Г. Н. Потанина, С. И. Руденко, Д. К. Зеленина, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзона, С. Е. Толыбекова, Р. Г. Кузеева и многих других⁴.

Археологи и в какой-то степени лингвисты и фольклористы в своих публикациях дают анализ культуры и быта и только частично, насколько позволяют им материалы,

касаются вопросов экономики, социальных отношений и этногенеза исследуемого этноса (С. Е. Малов, Н. А. Баскаков, С. Г. Кляшторный, В. И. Абаев, С. В. Киселев, Л. Р. Кызласов, С. А. Плетнева, Г. А. Федоров-Давыдов, В. М. Жирмунский и др.)⁵.

Все перечисленные авторы — историки, этнографы, археологи, лингвисты ни в коей мере не исчерпывают существующий ныне солидный список востоковедов и кочевниковедов у нас в стране и за рубежом, занимающихся и занимавшихся историей и культурой кочевого населения евразийских степей⁶. Мы перечислили только тех ученых, чьи труды достаточно выразительно представляют каждое из историографических направлений.

Следует сказать, что работы первого направления характерны в основном для буржуазной (русской и зарубежной) историографии. Работы, написанные по письменным источникам советскими учеными, отличаются от трудов буржуазных ученых не только творческим марксистским подходом к материалу, но и постоянным привлечением данных других исторических дисциплин (особенно археологии и этнографии), что значительно расширяет возможности исследователя.

То же явление характеризует этнографические и лингвистические работы: в дореволюционных трудах собраны интереснейшие материалы, а для книг, написанных в советское время, помимо публикации материала, типично стремление к его обобщению.

Археологи, получающие при раскопках весьма ограниченное количество информативного материала и в то же время желающие расшифровать его и получить по возможности полное представление о культуре народа, его экономике, общественных отношениях и т. п., вынуждены привлекать и осваивать различные группы источников: письменные, этнографические, фольклорные, лингвистические. Именно в их трудах ранее, чем в других направлениях, появилась тенденция соединить и обработать все известные источники, касающиеся изучаемого народа, этноса или региона.

Однако наиболее серьезные шаги по систематизации и обобщению разнообразных проявлений кочевничества сделаны не археологами и не историками, имеющими дело с мертвыми источниками, а этнографами, обладающими достоверным и легко проверяемым, а значит и легко поддающимся изучению и классификации материалом.

Статьи и книги, посвященные исследованию социально-экономических отношений кочевников начали появляться в советской печати уже в середине 30-х годов (Б. Я. Владимирцов, С. П. Толстов, А. Н. Бернштам и другие)⁷. Однако вновь интерес к этой тематике вспыхнул только спустя 20 лет в связи с дискуссией, посвященной сущности «кочевого феодализма». Центральной фигурой этой дискуссии стал С. Е. Толыбеков, отвергавший в своих работах существование феодальной собственности на землю у кочевников и предложивший определять общественные отношения кочевников термином «патриархально-феодальные». Концепция С. Е. Толыбекова многократно подвергалась критике, и нет необходимости возвращаться к ней здесь, так как в следующих главах данной книги точка зрения автора на вопросы, поднятые С. Е. Толыбековым, будет изложена. Для нашей темы значительно более важным в его работе является то, что именно этот ученый в 1959 г. первый четко выделил три формы кочевого хозяйства: кочевое, или «таборное», с отсутствием земледелия и оседлости, полукочевое с постоянными зимниками и частичным заготовлением кормов для молодняка и высокопородных коней, полукочевое с параллельным развитием земледелия и оседлости⁸.

Каждой форме кочевания соответствуют, согласно С. Е. Толыбекову, определенные общественные отношения: первой и второй — аильно-общинные, третьей — классовые. Эта мысль С. Е. Толыбекова была развита С. И. Руденко в статье, вышедшей из печати в 1961 г.⁹ Он показал стадиальность различных форм кочевания — эволюционный переход одной формы в другую. Исследуя пути зарождения кочевания с эпохи бронзы, он, а вслед за ним Г. Е. Марков¹⁰ прослеживают переход оседлых скотоводов от пастушества к полuosедлому или полукочевому скотоводству, а затем, в случаях крайней необходимости, к полному (таборному) кочеванию. Причины, которые вызвали эти изменения в жизни ряда племен и этнических общностей, не раз дискутировались в советской литературе¹¹. Они столь же разнообразны, как и причины, вызывавшие в последующие эпохи переход кочевников к оседлости или же наоборот — от полuosедлости к полному кочеванию.

Новый взлет в изучении социально-экономического строя кочевников начался в конце 60-х годов. В настоя-

щее время трудно назвать хотя бы одну крупную монографическую работу, в которой не исследовались бы общественные отношения и экономика кочевнических объединений разного времени. Таковы статьи и монографии Л. П. Лашука, Л. Н. Гумилева, Г. А. Федорова-Давыдова и др.¹²

В книге, посвященной салтово-маяцкой культуре — культуре Хазарского каганата, автор данной работы попытался, опираясь в основном на археологические источники, проследить переход кочевников от таборной стадии к полуоседлости — «от кочевий к городам», т. е. процесс, обратный тому, который был исследован С. И. Руденко на материалах бронзового века и раннего железа¹³. Изменения экономики вели и к изменению социального строя и культуры, что было прослежено благодаря исследованию салтово-маяцкой культуры. Материалы по истории заселения европейских степей VII—IX вв. позволили, как мне кажется, установить, что сложение классовых отношений и соответственно феодальное владение землей пачались на второй стадии кочевания, когда произошло разделение пастбищ на отдельные участки кочевания.

Знакомство со средневековыми источниками, касающимися населения всей евразийской зоны степного кочевания, а потом и их исследование, привели автора к убеждению, что те закономерности развития, которые были прослежены на узком отрезке времени — в Хазарском каганате, распространяются на все кочевое население.

Следует помнить, что кочевничество по географическому, а значит и хозяйственному признаку делится на несколько больших регионов: североафриканский-переднеазиатский, африканский, евразийский, тибетский и североазиатский¹⁴.

В первом регионе стадо состоит в основном из коз и овец, а верховым животным является верблюд, для второго типично стадо из крупного рогатого скота, а всадников почти нет, третий регион характеризуется стадами овец и крупного рогатого скота, основным же верховым и транспортным животным служит лошадь (иногда в качестве грузового тягла использовались волы), в четвертом регионе главное животное в стаде — яки, а в пятом (северном) — олени.

Совершенно ясно, что каждому региону присущи не только собственный состав стада, что определяет и свое-

образии экономики, но и оригинальные пути развития этой экономики и связанных с нею социального строя и даже материальной и духовной культуры. Поэтому естественно, что для выявления каких бы то ни было закономерностей в социально-экономическом развитии кочевников, нельзя брать материалы, не считаясь с тем, к кочевникам какой области они относятся. В данной работе используются, как правило, материалы только евразийского, наиболее близкого нам и хорошо изученного в пространстве и времени материала.

Хронологически книга ограничена вполне определенно — эпохой средневековья, поскольку автор — мидиевист и ему лучше известны письменные и археологические источники, относящиеся именно к этому сложному, бурному и кровавому периоду истории человечества.

Только в отдельных случаях по мере необходимости здесь будут привлечены примеры из других регионов, особенно из близкого евразийскому — переднеазиатского, а также и других хронологических периодов — как более ранних, так и более поздних — вплоть до современности. Обычно это делается в тех случаях, когда прослеженная закономерность четко выявилась не только в средневековых евразийских степях, но и у народов и этнических общностей других областей и других эпох.

¹ *Грязнов М. П.* Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. — КСИЭ, 1957, вып. 26; *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — В кн.: Материалы по этнографии. Л., 1961, вып. 1, с. 10.

² *Толстов С. П.* Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. — ИГАИМК, 1934, вып. 103.

³ *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги. — Труды. СПб., 1908, т. 1; *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. — Университетские известия, Киев, 1883, № 1; *Расовский Д. А.* Половцы. — Sem. Kond., Praga, 1935, VII; 1936, VIII; 1937, IX; 1938, X; *Бернштам А. Н.* Очерки истории гунов, Л., 1951; *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962; *Гумилев Л. Н.* Хунну. М., 1960; *Он же.* Древние тюрки. М., 1967; *Кумеков В. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

⁴ *Харузин А. Н.* История жилища у тюркских и монгольских народов. — Этнографическое обозрение, 1896, кн. XXXVIII; *Поганин Г. Н.* Очерки северо-западной Монголии. СПб. 1883, вып. I—IV; *Руденко С. И.* Башкиры. Опыт этнологической монографии. Л., 1925, ч. II; *Зеленин Д. К.* Культ онгонов в Сибири. Л.; М., 1936; *Ждако Т. А.* Каракалпаки Хорезмского оазиса. — ТХАЭЭ,

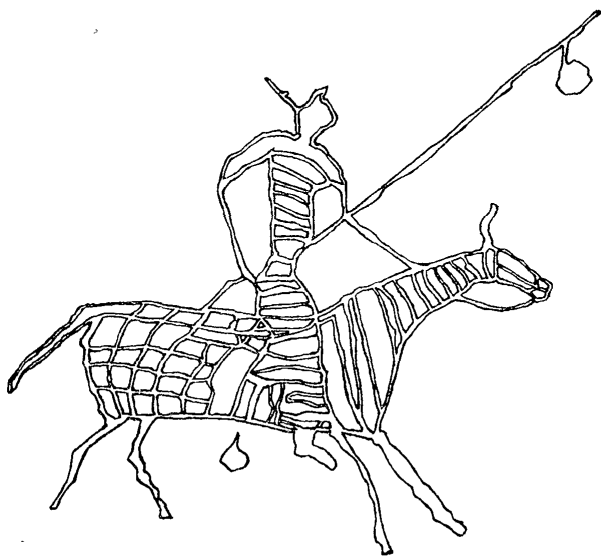
- М., 1952, т. 4; *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971; *Кузеев Р. Г.* Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957.
- ⁵ *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951; *Баскаков Н. А.* Тюркские языки. М., 1960; *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964; *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М., 1949; т. 1; *Киселев С. В.* Древняя история южной Сибири.— МИА, 1949, № 9; *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969; *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
  - ⁶ В Библиографии дан далеко не полный список работ по этногенезу, истории, экономике, общественным отношениям и культуре кочевников, знакомство с которыми позволило мне, не исследуя всесторонне каждую группу источников, написать эту книгу.
  - ⁷ *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934; *Толстов С. П.* Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах; *Бернштам А. Н.* Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии.— СЭ, 1934, № 6.
  - ⁸ *Толыбеков С. Е.* Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959.
  - ⁹ *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства...
  - ¹⁰ *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976.
  - ¹¹ См.: *Марков Г. Е.* Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии.— СЭ, 1973, № 1; *Лашук Л. П.*— Кочевничество и общие закономерности истории.— СЭ, 1973, № 2.
  - ¹² *Лашук Л. П.* Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников.— СЭ, 1967, № 4; *Он же.* Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов.— СЭ, 1968, № 1; *Гумилев Л. Н.* Орды и племена у древних тюрков и уйгуров.— В кн.: Материалы по этнографии, Л., 1961, вып. 1; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
  - ¹³ *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967.
  - ¹⁴ *Андряинов В. В., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования.— СЭ, 1972, № 2; *Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых народов умеренного пояса Евразии.— IX МКАЭН. Доклады советской делегации. М., 1973.

Глава первая

ПЕРВАЯ СТАДИЯ КОЧЕВАНИЯ

Рассмотрим сначала самый кочевой из всех кочевых вариантов — таборный. В настоящее время он почти неизвестен в евразийских степях. Кочевание круглый год не потеряло еще необходимости только в особо засушливых районах прикаспийских и монгольских степей и полупустынь, где постоянными перегонами скота с одного бедного травой пастбища на другое можно прокормить пасущиеся на подножных кормах стада.

Не то было в средневековье. Огромные пространства степей не были еще освоены полностью, и поэтому объяснять существование той или иной формы кочевания исключительно географическими условиями было бы неправильно. Сухие, непригодные для развития скотоводства степи просто не были заселены кочевниками, а с длительными многолетними засухами, ежегодно повторяющимися

морозными многоснежными зимами или даже с неблагоприятными для кочевания климатическими изменениями кочевники могли успешно бороться путем перекочевки на новые места. При перекочевке, иногда очень длительной, таборное кочевание было единственно возможной формой ведения хозяйства.

Несмотря на большое разнообразие причин, приводивших население к необходимости переходить к первой форме (стадии) кочевания, цель перехода всегда была одна: приобретение любой ценой новых пастбищ, максимальное расширение территории для выпаса стад и охоты.

Поиски новых пастбищ приводили кочевников, как правило, на путь завоеваний, поскольку ни один народ не отдавал своей земли добровольно, без сопротивления. Военные действия, целью которых был захват территорий с одновременным уничтожением ранее жившего здесь населения или частичного включения его в свои объединения, можно назвать термином «нашествие». Кочевники действительно надвигались как туча, уничтожая все на своем пути. Впечатление нехватности, необычайного могущества наступающих степняков объяснялось тем, что это не был поход отдельной дружины или какого-то более или менее организованного войска. Наступало все население со своими стадами, кибитками, полными детей и жепциц, с огромным количеством всадников — мужчин всех возрастов и молодых женщин (незамужних). Участие в войне, в войске «было правом и обязанностью всех свободных», — писал Б. Д. Греков¹. Такое положение могло быть только в тот период социального развития общества, который классики марксизма определили как военную демократию². Таким образом, мы с полным правом можем говорить, что общественные отношения двигавшейся по степям громады находились уже на этой сравнительно высокой стадии общественного развития, для которой характерны, как мы знаем, социально-политические объединения типа союзов племен. Возглавлялись они, как правило, наиболее сильными и активными представителями влиятельных богатых родов, принадлежавших обязательно к тому объединению или племени, которое начало нашествие.

Обычно движение, направленное на захват новых земель, начиналось из определенного района степи, где в данный исторический период произошли события, вызвавшие его (географические, климатические или чаще